

Окопная болезнь

Заниматься полноценной политической деятельностью в России будет возможно, только когда прекратят стрелять

Фото: Алексей Душутин / «Коммерсант»

11:28, 18 ноября 2024,

Борис Вишневский*

обозреватель

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ВИШНЕВСКИМ БОРИСОМ
ЛАЗАРЕВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ВИШНЕВСКОГО БОРИСА
ЛАЗАРЕВИЧА.

Можно ли сегодня заниматься политикой в России, будучи в оппозиции, при тех опасностях, запретах и ограничениях, которые существуют и постоянно усиливаются?

Этот вопрос оппозиционным политикам (в том числе мне) задают постоянно — в эфирах, социальных сетях, личном общении.

Очень часто — со скепсисом: все бесполезно, надеяться не на что, перед нами стена, которую ничем не пробить, ничего принципиально в обозримом будущем не изменится, бессмысленно плевать против ветра, а против лома нет приема...

Что же, искусное внушение обществу именно таких настроений, создание ощущения выученной беспомощности — одна из важных задач нынешней власти, строящей «оруэлловские» конструкции.

Однако надежду дает знание, что все это уже было. И было навсегда, пока не закончилось.

Принципиальным для понимания происходящего является то, что политическая борьба (особенно после 24.02.22) кардинально

изменила свое содержание и форму.

Раньше были и нечестные выборы, и фальсификации, и «административный ресурс», и превращение многих СМИ в отделы провластной пропаганды, и политическая цензура, и давление на бизнес, поддерживающий оппозицию, — и многие другие недобрые приметы авторитарного времени.

Но затем случилось качественное изменение.

Сегодня не надо доказывать обществу, что проводимая властью политика правильна, — вместо этого объявляют врагами всех, кто с ней не согласен.

Власть не спорит с оппонентами — она их преследует при помощи «силовых» органов, что куда проще и надежнее с точки зрения результата.

Не надо стараться победить оппонентов в дискуссии — вместо этого можно возбудить против них административное или уголовное дело.

Не надо корпеть над программами, участвовать в дебатах и добиваться победы над оппонентами на выборах — вместо этого можно лишить их избирательных прав.

В этой ситуации политика почти полностью теряет такую составляющую, как борьба за власть, — ключевую в демократическом государстве.

Но, во-первых, — «почти», а во-вторых — эта составляющая не единственная.

Если говорить о выборах, то там, где это остается возможным, оппозиционные кандидаты в них участвуют. Используя их как легальную возможность говорить с людьми, объяснять им свою позицию и объяснять, что происходит в стране.

Да, практически невозможной оказывается задача получения большинства в каком-либо из выборных органов, — но даже и меньшинство может, как показывает практика, играть очень важную роль на муниципальном или региональном уровне.

Потому что даже один или два депутата могут публично сказать то, что думают многие, но не решаются сказать, поддерживая этим «несогласных». И потому, что граждане нуждаются в представителях, к которым можно обратиться за помощью и у которых есть для этого возможности потребовать от чиновников выполнять закон, помочь гражданам защитить нарушенные права, направить запрос и получить ту информацию, которая труднодоступна для граждан, при помощи своих обращений и огласки в СМИ «давить» на чиновников... Это не всегда дает результат, особенно в нынешних условиях, но очень многое зависит от степени упорства и способности не опускать руки.

Но и тогда, когда не удастся добиться представительства в органах власти, оно возможно и необходимо и без формальных мандатов.

Когда граждане, несогласные с происходящим, видят «политическую эмпатию», когда они понимают, что есть политики, находящиеся на их стороне.

Политики, публично транслирующие те взгляды, которых сами граждане придерживаются, активно «включающиеся», когда надо отстаивать права и интересы людей, оказывающие им помощь и поддержку.

Когда это нужно — встающие рядом с ними плечом к плечу.

Считающие крайне важным слушать людей и говорить с ними, уважать их и сочувствовать им.

Заниматься такой политикой очень трудно, как трудно плыть против течения, а в нынешних условиях — необычайно трудно.

Ведь официально насаждается единомыслие, а сомнение наказывается какслушание. Правоохранительные органы защищают не столько закон, сколько решения власти, полагая это «защитой государственных интересов». И средств массовой информации, готовых критиковать власть, остались считанные единицы — а все прочие или закрыты, или приведены к покорности. И всё новые и новые репрессивные законы, цель которых — задавить все «островки несогласия», штампуются думским принтером.

Но заниматься такой политикой необходимо, потому что только это дает шанс на будущее. Потому что только так завоеывается доверие граждан. И потому что только открытый и честный разговор с людьми, максимальное уважение к каждому из них, к его жизни и его судьбе, объяснение людям того, что происходит и что нужно делать, чтобы изменить ситуацию, может воздействовать на общественные настроения.

А без их изменения этих настроений — чему доказательство опыт «перестроечных» лет — никогда не изменится та политическая линия, которую проводит власть. К лучшему, естественно, — перемен этой линии к худшему мы уже насмотрелись в последние даже не годы, а десятилетия...

Возможны ли такие перемены? Возможны. Когда они случатся? Невозможно предсказать, но необходимое (хотя и недостаточное) условие их начала сформулировать просто: когда перестанут стрелять.

Когда состоится соглашение о прекращении огня без предварительных условий и начнутся мирные переговоры, когда не будет ежедневных известий о гибели людей и разрушениях.

Движение к этой цели должно быть сегодня главным для российских политиков, несогласных с происходящим и желающих перемен к лучшему. Потому что без этого не будет ничего — ни освобождения политических заключенных, ни отмены репрессивных законов, ни демократии, ни свободы, ни верховенства закона, ни разделения властей, ни честных выборов, ни справедливого суда.

Для достижения этой цели необходимо повлиять, в том числе, и на западных политиков и общественное мнение.

Те, кто уехал за последние годы из России по политическим мотивам либо были обменены как политзаключенные, кто имеет возможность общаться с западными политиками и к кому они прислушиваются, могли бы убедить их в необходимости соглашения о прекращении огня. Использовать свои возможности, свое влияние для того, чтобы объяснить, что нужно не продолжать боевые действия, а остановить их.

Не было этого единственно необходимого требования и на берлинском марше.